

Русская культурная память как источник интертекстуальных кодов в цикле

«Таня Гроттер» Д. Емца

Ахмедова Парвина Абдуманоновна

Самаркандский государственный институт иностранных языков

Аннотация

В статье анализируется роль русской культурной памяти как источника интертекстуальных кодов в цикле романов Дмитрия Емца «Таня Гроттер». Рассматриваются механизмы культурной локализации британской модели школьного фэнтези, созданной Дж. К. Роулинг, и особенности её адаптации к российскому культурному контексту. Особое внимание уделяется функционированию литературных, фольклорных и массово-культурных аллюзий, формирующих многослойное интертекстуальное пространство произведения. Показано, что элементы русской классической литературы, сказочной традиции и советской культурной памяти активно участвуют в создании художественного мира Тибидохса, обеспечивая эффект культурного узнавания и усиливая игровую природу повествования. Делается вывод о том, что русская культурная память выступает важным механизмом смыслообразования и культурной адаптации текста, позволяя формировать самостоятельную художественную модель школьного фэнтези в российской литературе.

Ключевые слова: культурная память, интертекстуальность, национальные коды, русская литература, фольклор, массовая культура, школьное фэнтези, Дмитрий Емец, «Таня Гроттер», культурная локализация.

Проблема культурной памяти в художественном тексте приобретает особую актуальность в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия, характерного для современной массовой литературы. Когда произведение формируется на основе уже существующей культурной модели, процесс адаптации неизбежно включает обращение к национальной системе символов, образов и повествовательных структур. Именно такие механизмы позволяют тексту

укорениться в новой культурной среде и стать органичной частью локальной литературной традиции. В этом контексте цикл романов Дмитрия Емца «Таня Гроттер» может рассматриваться как показательная модель взаимодействия глобальной и национальной культурных систем. Основная сюжетная схема, связанная с британской традицией школьного фэнтези, подвергается глубокой трансформации, благодаря которой текст насыщается элементами русской культурной памяти.

Понятие культурной памяти в литературоведении тесно связано с семиотической теорией культуры Ю. М. Лотмана. Исследователь рассматривал культуру как сложную систему знаков, внутри которой тексты прошлого продолжают функционировать и формировать новые смыслы. По его мнению, культурная память представляет собой динамическую структуру, в которой различные символические формы сохраняются и воспроизводятся в новых исторических условиях. Как подчёркивает Лотман, культура функционирует как «механизм коллективной памяти», обеспечивающий сохранение и передачу текстов и создающий условия для их последующей трансформации [8]. В художественной литературе этот процесс реализуется через систему интертекстуальных кодов, активирующих культурный опыт читателя.

В произведениях Дмитрия Емца данный механизм становится одним из ключевых элементов художественной структуры. Русская культурная память проявляется не только в отдельных аллюзиях или стилистических особенностях, но и в самой организации художественного пространства. Магическая школа Тибидохс, являющаяся центральным хронотопом цикла, формируется как гибрид мифологического пространства, школьной повседневности и постсоветской социальной реальности. Подобная организация пространства может быть осмыслена в рамках лотмановского представления о культуре как семиотическом пространстве, где различные тексты вступают во взаимодействие и образуют новые смысловые структуры [8].

Хронотоп школы играет в данном процессе особенно важную роль. В романах Дж. К. Роулинг Хогвартс может интерпретироваться как символ устойчивой образовательной традиции, где прошлое и настоящее соединяются в единую систему ценностей [10; Ch 7-8]. Архитектура замка, система ритуалов и строгость учебного процесса формируют модель институциональной стабильности.

В цикле «Таня Гроттер» магическая школа приобретает иной характер. Тибидохс изображается как пространство, наполненное хаотической жизненной энергией. Это особенно заметно в сценах первых занятий в романе «Таня Гроттер и магический контрабас», где уроки сопровождаются неконтролируемыми магическими эффектами, а преподаватели сами оказываются вовлечены в комические ситуации [4]. Подобная динамика разрушает модель строгой академической среды и переводит её в игровую плоскость.

Архитектура школы лишена строгой симметрии и представляет собой эклектическое сочетание различных элементов. Такая эклектика может быть интерпретирована как отражение особенностей российской культурной памяти, где различные исторические пласты сосуществуют без жёсткой иерархии. В описании Тибидохса обнаруживаются черты, напоминающие образовательные учреждения позднесоветского периода: бытовой беспорядок, неформальное общение и специфическая школьная дисциплина. В начальных главах «Магического контрабаса» сцены взаимодействия учеников и преподавателей демонстрируют сочетание официальных правил и их постоянного нарушения [4].

Особое значение имеет взаимодействие текста с традицией русской литературы XIX века. Гротескные характеристики некоторых персонажей позволяют сопоставить их с типажам русской сатирической прозы. Подобно героям Н. В. Гоголя, персонажи Емца нередко действуют в логике абсурда, где поведение выходит за пределы рационального. Этот эффект усиливается при сопоставлении с сатирической моделью М. Е. Салтыкова-Щедрина, в произведениях которого социальная реальность доводится до гротескной условности. Как показывает исследователь, в сатирической системе «нелепость становится нормой» [11]. Аналогичный принцип наблюдается в

сценах, связанных с управлением Тибидохсом, где административные структуры функционируют по законам абсурда.

Следует отметить, что данные параллели чаще функционируют не как прямые цитаты, а как культурные коды, активируемые на уровне читательского восприятия.

Ещё одним источником культурной памяти выступает советская массовая культура. В художественной структуре произведения можно обнаружить элементы, сопоставимые с эстетикой советской мультипликации. Как отмечает И. П. Иванов-Вано, для неё характерны «динамичность действия, условность пространства и гротескное преувеличение» [7]. Аналогичные принципы проявляются в сценах магических превращений и цепных комических эффектов в романе «Таня Гроттер и золотая пиявка», где каждое действие приводит к серии абсурдных последствий.

Подобная «мультиязычность» усиливает игровую природу художественного мира и формирует особый тип восприятия, в котором фантастическое приобретает черты условной реальности.

Помимо литературных аллюзий, важнейшим источником интертекстуальных кодов становится русская фольклорная традиция. Фольклорные структуры обладают устойчивостью, поскольку передают архетипические модели повествования. Как подчёркивает В. Я. Пропп, сказка сохраняет «устойчивые функции действующих лиц», воспроизводимые независимо от конкретного содержания [9].

В произведениях Емца эти структуры проявляются в эпизодах, где магическое включается в повседневную среду. Например, в сценах обнаружения магических предметов в «Магическом контрабасе» волшебство возникает в бытовом контексте, что сближает текст с традицией русской сказки³. Подобная модель соответствует наблюдениям А. Н. Афанасьева, который отмечал, что чудесное в народной сказке «естественно включено в повседневную жизнь» [1].

Важную роль играют мотивы превращения. Трансформации персонажей и окружающей среды создают атмосферу подвижности границы между реальным и чудесным. При этом магические события часто сопровождаются комическими деталями, что формирует особый тип повествовательной тональности.

Использование фольклорных элементов не сводится к заимствованию сюжетов, а реализуется на уровне архетипических структур, проявляющихся в системе персонажей и конфликтах.

Важным аспектом культурной памяти становится и советский культурный опыт. В произведениях Емца он проявляется в моделях школьной жизни, где официальные правила сосуществуют с неформальными практиками. Атмосфера коллективного взаимодействия, характерная для школьного пространства, воспроизводит социальные модели позднесоветского периода.

Особую роль играет специфический тип юмора, основанный на сочетании абсурда, гротеска и бытовых наблюдений. Этот тип юмора проявляется в сценах магических экспериментов и их непредсказуемых последствий, создавая эффект нарастающего комизма.

С точки зрения теории интертекстуальности подобная структура может быть осмыслена в рамках концепции Ж. Женетта, определявшего интертекстуальность как «присутствие одного текста в другом» [5]. В то же время, как отмечает Л. Хатчен, пародия представляет собой «повторение с критической дистанцией», позволяющее одновременно воспроизводить и переосмысливать исходную модель [6]. С. Дентис рассматривает её как форму «двойного кодирования», объединяющую узнавание и трансформацию [3].

Подобный механизм полностью реализуется в цикле «Таня Гроттер», где различные культурные пласты образуют многослойное интертекстуальное пространство.

Согласно Лотману, культура функционирует как система взаимосвязанных текстов, вступающих в процесс постоянного порождения новых смыслов [8]. В произведениях Емца эта система выполняет функцию культурной локализации: заимствованная модель школьного фэнтези наполняется национальным содержанием.

Таким образом, русская культурная память выступает ключевым механизмом художественной организации цикла «Таня Гроттер». Она формирует

интертекстуальное поле произведения и обеспечивает его связь с национальной культурной традицией. В терминах семиотики культуры она может быть осмыслена как генератор новых текстов, возникающих в результате переработки предшествующего культурного опыта [8].

В заключение следует подчеркнуть, что цикл «Таня Гроттер» демонстрирует яркий пример культурной адаптации жанра школьного фэнтези. Используя ресурсы русской культурной памяти, Дмитрий Емец создаёт оригинальную художественную модель, в которой элементы мировой массовой культуры сочетаются с национальными литературными и фольклорными традициями.

Список литературы:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. — М.: Наука, 1985. — 512 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1965. — 543 с.
3. Dentith S. Parody. — London: Routledge, 2000. — 192 p.
4. Емец Д. А. Таня Гроттер и магический контрабас. — М.: Эксмо, 2002. — 416 с.
5. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. — Paris: Seuil, 1982. — 448 p.
6. Hutcheon L. A Theory of Parody: The Teachings of Twentieth-Century Art Forms. — New York: Routledge, 2000. — 143 p.
7. Иванов-Вано И. П. Советская мультипликация. — М.: Искусство, 1980. — 208 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.
10. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. — London: Bloomsbury, 1997. — 223 p.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. — М.: Художественная литература, 1984. — 256 с.